

ББК 56.14
Т 56

Перевод с английского
Е. Щербаковой (гл. 1—5, 10) и И. Кадырова (гл. 6—9)

Художник В.А. Пузанков

Редактор Е.И. Солдаткина

Томэ Х., Кэхеле Х.

Т56 Современный психоанализ. Т. 1. Теория: Пер. с
англ./Общ. ред. А.В. Казанской. — М.: Издательская груп-
па «Прогресс» — «Литера», Издательство Агентства «Яхт-
смен», 1996. — 576 с.

Авторы двухтомника психоаналитической терапии, возглавляю-
щие отделение психотерапии Ульмского университета (Германия),
представляют читателю уникальный по широте охвата и глубине
материал, обнимающий всю историю психоанализа и отражающий
его современное состояние.

В первом томе — «Теория» — рассмотрены не только много-
численные ответвления психоанализа от «основного течения», но и
так называемые классические психоаналитические представления, а
также перспективы развития психоанализа как науки будущего.
Книга поможет практикующим психотерапевтам гибко применять
свою теоретическую подготовку на практике.

Второй том — «Практика» — своеобразное окно в психоанали-
тический кабинет, приоткрыть которое позволяют магнитофонные
записи психоаналитических сеансов.

Двухтомник, переведенный почти на все европейские языки,
уже стал классикой психоаналитической литературы.

Т 0303020000-032
006(01)-96 без объявл.

ББК 56.14

Die Herausgabe dieses Werkes wurde aus Mitteln
von Inter Nationes, Bonn gefördert

Издано при финансовой поддержке фонда
Интер Национес, Бонн
При участии фирмы «ОГУЗ»

Титул оригинального немецкого издания:
Lehrbuch der psychoanalytischen Therapie, Band 1 Grundlagen

ISBN 3-540-15386-1/0-387-15386-1

ISBN 3-540-16876-1

Springer-Verlag Berlin Heidelberg New York

ISBN 0-387-16876-1

Springer-Verlag New York Berlin Heidelberg

ISBN 5-01-004548-6

ISBN 5-01-004549-4 (общ.)

© Springer-Verlag Berlin Heidelberg
1985. All rights reserved

© Перевод на русский язык, худо-
жественное оформление изда-
тельская группа «Прогресс» —
«Литера», 1996

dorodnov,

project

dmitry
organizer

Предисловие к русскому изданию

Этот двухтомный учебник психоаналитической терапии занял видное место в сфере образования и научных исследований. Переводы на десять языков свидетельствуют об интернациональном признании этой работы как надежного источника знаний о новейших достижениях для тех, кто обдумывает свою работу. Со времени своего появления учебник сохраняет актуальность, давая представление о современном состоянии основных подходов в теории и практике.

В десяти главах первого тома изложена основанная на практике теория психоаналитического метода и критически обсуждается столетняя история психоанализа. Второй том содержит — часто полученные с помощью магнитофонной записи — протоколы терапевтических диалогов, дающие ценную возможность ознакомиться с мыслью и действием психоаналитика. Систематически обсуждаются важнейшие темы техники психоаналитического лечения, в соответствии с каждой из глав первого тома. В девятой главе разрабатываются общие и специальные вопросы психоаналитического учения о болезнях и лечения под углом зрения достигаемых терапевтических успехов. Оба тома согласованы друг с другом по содержанию, однако каждый из них снабжен отдельной библиографией и собственным предметным и именным указателями.

Развитие психоанализа за последние десять лет шло в направлениях, которые мы предполагали. В специальной литературе дискутируются сейчас все те проблемы, которые мы выносили на обсуждение. Переведенный на многие языки, ульмский учебник выражает сущность самокритичного, ориентированного на научное исследование психоанализа. Обращение еще к многим исследовательским работам могло бы расширить рамки учебника; отсылаем заинтересованного читателя к переизданной в 1996 году (Aronson, New Jersey) книге Дая, Кэхеле и Томэ «Стратегии исследования психоаналитического процесса» («Psychoanalytic Process Research Strategies»), в которой рассказывается о впервые проведенном в Ульме в 1985 году Международном конгрессе по психотерапевтическим исследованиям.

6 Предисловие к русскому изданию

Мы рады, что Московское психоаналитическое общество, руководимое Сергеем Аграчевым, предприняло издание русского перевода.

Мы особенно благодарны Анне Казанской из Московского инфоцентра психотерапии, без чьей неутомимой личной и высококвалифицированной редакторской работы, а также координации работы переводчиков эта задача не была бы осуществлена.

Мы поздравляем издателя — господина Алексея Файнгара из «Прогресса» — с тем, что он взял на себя труд выпустить столь обширную и высокоспециализированную работу.

Без содействия фонда «Интернационалес» Федеративной Республики Германии авторам было бы гораздо труднее внести свой вклад в возрождение российской психоаналитической культуры.

Москва, май 1996

Хельмут Томэ, Хорст Кэхеле

Предисловие к немецкому изданию

Это первый том двухтомного исследования психоаналитической терапии, которое публикуется на английском и немецком языках. В первом томе рассматриваются принципы психоаналитического метода, в то время как второй том, который выйдет через год, посвящен психоаналитическому диалогу. Два тома, хотя и образуют связное целое, структурированы раздельно, и каждый снабжен своим собственным списком литературы и указателями.

Несмотря на то что психоанализ в своем развитии далеко распространился за рамки простого метода лечения, «он не оторвался от своей *материнской почвы* и все еще не утерял контакта с *пациентами*, что обеспечивает возможности для углубления и дальнейшего развития» (Freud, 1933a, p. 151; курсив наш). Эти слова Фрейда дают нашему исследованию психоаналитического метода точку отсчета.

В последние десятилетия психоанализ получил все большее и большее распространение, и с 1950-х годов от основного течения отошли многочисленные психодинамические ответвления. Проблема, которую Фрейд обозначил (1933a, p. 152) с помощью метафоры «*die Verwässerung der Psychoanalyse*» («разбавление, выхолащивание, опошление» психоанализа), достигла почти необозримых размеров. На немецком языке двухтомник называется «Учебник психоаналитической терапии» (*Lehrbuch der psychoanalytischen Therapie*). Под психоаналитической терапией мы понимаем классическое применение для лечения заболеваний *психоаналитического метода*, так, как его определил Фрейд (1905a; 1923a; 1927a).

Как немецкие авторы психоаналитического учебника, мы бы хотели не только ограничиться вводными замечаниями и выражениями благодарности, но и коснуться истории психоанализа в нашей стране.

Психоанализ, как терапевтический метод и как наука, исходит из того, что направляет процесс познания на повторное открытие объекта, который принимает новый облик в момент, когда он вновь открыт, то есть когда он достиг сознания благодаря прояснению при помощи толкования. В личной жизни и в терапевтическом процессе, а также и в психосоциальных науках вообще большое значение имеет высказывание Гераклита о том, что нельзя дважды ступить в одну и ту же реку: нахождение объекта — это не только повторное открытие, но также новое

8 Предисловие к немецкому изданию

открытие. От читателя, знакомого с работами Фрейда, не ускользнет, что мы только что обыграли высказывание Фрейда о том, что «нахождение объекта фактически является его обретением заново» (1905d, p. 222). Психоанализ стал частью нашей духовной истории, и, следовательно, его можно открыть заново, даже вопреки тому, что исторические условия могут привести, а в Германии так и произошло, к прерыванию этой традиции. Во времена «третьего рейха» работы Фрейда были недоступны большинству немцев. Наука, основанная евреем Зигмундом Фрейдом, была вне закона. Еврейские психоаналитики разделили судьбу всех евреев нацистской Германии и оккупированных территорий Европы. Фрейд, будучи в преклонном возрасте, сумел спастись вместе со своей семьей, благодаря высылке в Англию. Его сестры, которые не смогли его сопровождать, погибли в концентрационном лагере. Все поколения немецких психоаналитиков несут на себе в прямом смысле бремя истории, которое выходит за рамки общих последствий Холокоста, как заметил президент Федеративной Республики Германии Р. фон Вайцзекер (1985) в своей речи в ознаменование 40-й годовщины окончания второй мировой войны. Хотя, конечно, современный психоанализ независим от своего основателя и как наука стоит в стороне от любых религиозных (не говоря уже о расистских) убеждений, тем не менее, аналитик обязательно

оказывается внутри еврейской генеалогии и находит свою профессиональную идентичность через идентификацию с работой Фрейда. Это влечет за собой многочисленные трудности, глубоко заходящие в бессознательное, которые немецкие психоаналитики пытаются разрешить тем или иным способом с 1945 года.

Эти проблемы становятся более понятными, если обратиться к размышлениям, которыми поделился Клаубер в 1976 году на симпозиуме по идентичности психоаналитика, созванном Международной психоаналитической ассоциацией (IPA) (Joseph, Widlacher, 1983). Клаубер (Klauber, 1980) убедительно продемонстрировал далеко идущие последствия идентификации с Фрейдом для его учеников и, следовательно, для истории психоанализа. Духовный отец психоанализа и сам описывал последствия идентификаторного принятия в работах «Trauer und Melancholie» (1917e) («Печаль и меланхолия») и «Vergänglichkeit» (1916a) («Преходящее»). Клаубер считает, что психоаналитики не смогли полностью смириться со смертью Фрейда. Связанные с этим бессознательные процессы, с одной стороны, ведут к ограничению нашего собственного мышления, а с другой стороны, к неспособности оценить, насколько преходящи все научные, философские и религиозные представления, в том числе и теории Фрейда. Интерпретация Клаубера позволяет объяснить тот факт, что ригидность и протест идут бок о бок в истории психоанализа, а также и то, что уже долгое время находится в центре внимания вопрос об идентичности

Предисловие к немецкому изданию 9

психоаналитика. То, что идентичность психоаналитика была избрана темой симпозиума IPA, само по себе показывает, что аналитики чувствуют, что они больше не могут полагаться на идентификацию с Фрейдом. Далеко не последней причиной изменений в психоанализе являются оригинальные вклады самих психоаналитиков, показывающие преходящую природу некоторых идей Фрейда. Фундаментальные размышления Клаубера, которые мы здесь обобщили, проясняют, почему психоаналитическая профессия в большей степени, чем любая другая, так озабочена собственной идентичностью (Cooper, 1984a; Thomä, 1977a).

Концепция идентичности в формулировке Эриксона (Erikson, 1959), с ее социально-психологическим подтекстом, проливает свет на шаткость позиции немецких психоаналитиков с 1933 года по настоящее время. Их проблема, если судить о ней на уровне бессознательного, связана с тем, что они стремятся идентифицироваться с идеями человека, чьи соплеменники, евреи, уничтожались немцами. Мы еще вернемся к тому, как формулирует некоторые стороны этого конфликта Эриксон, но сначала, чтобы иметь возможность охватить другие, сравнительно поверхностные аспекты проблем, которые немецкие аналитики испытывают с идентификацией, бегло расскажем, как демонтировались психоаналитические учреждения в Германии в 1930-х годах.

После закрытия знаменитого Берлинского психоаналитического института и Немецкого психоаналитического общества, а вместе с ними и его учебных групп на Юго-Западе, в Лейпциге и в Гамбурге, несколько оставшихся психоаналитиков — не евреев искали способы поддержать свое профессиональное существование. С одной стороны, они перешли к частной практике, с другой, они сохранили какую-то меру независимости в рамках Немецкого института психологических исследований и психотерапии (Deutsches Institut für psychologische Forschung und Psychotherapie), основанного в 1936 году, которым руководил М.Х. Геринг, двоюродный брат Германа Геринга, и который непродолжительное время назывался Институтом Геринга (Göring-Institut). Там подготовка молодых психоаналитиков продолжалась, хотя существенное давление на этот процесс оказывали задачи института. Сведение всех школ глубинной психологии (фрейдистов, адлерианцев, юнгианцев) под одну крышу, а именно в институт, располагающийся в Берлине, с ответвлениями в других городах (например, в Мюнхене, Штутгарте и, позднее, в Вене), должно было способствовать процветанию арийской психотерапии (die deutsche Seelenheilkunde) (Göring, 1934) и созданию стандарта психотерапии. Многочисленные свидетельства (Dräger, 1971; Baumeier,

1971; Kemper, 1973; Riemann, 1973; Bräutigam, 1984; Scheunert, 1985) и исследования (например, Lockot, 1985) высвечивают разнообразное влияние исторических обстоятельств на условия работы в этом институте.

10 Предисловие к немецкому изданию

Кокс (Cocks, 1983, 1984), изучавший историю вопроса, приходит к выводу, что собрание различных школ в один институт имело далеко идущие последствия и побочные эффекты, по его оценке, в целом положительные. Все же нельзя столь категорично утверждать, что эти совершенно случайные эффекты можно в принципе рассматривать как положительные, если они абсолютно независимы от идеологически детерминированной психотерапии, которая являлась официальной целью. И хотя нет худа без добра, последствия сомнительны. Можно было бы сказать словами пророков Иеремии (31, 29) и Иезекиля (18, 2)¹: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина».

С психоаналитической точки зрения идеология находится в конечном счете в связи с бессознательными процессами и потому выживает и даже приобретает новую сущность. Лифтон (Lifton, 1985) справедливо отметил, что Кокс слишком мало внимания уделил этому вопросу; только благодаря Дамеру (Dahmer, 1983) и некоторым другим авторам эта проблема совсем недавно стала привлекать внимание.

Объединение всех психотерапевтов, работающих в парадигме глубинной психологии, в один институт привело к развитию сообществ по интересам и к консенсусу по различным вопросам между сторонниками различных подходов. Тяжелые времена укрепили связи между ними. Идея синопсиса, конспективной психотерапии, слияния важных аспектов всех школ продержалась еще дольше. Основание в 1949 году Немецкого общества психотерапии, психосоматики и глубинной психологии (Deutsche Gesellschaft für Psychotherapie, Psychosomatik und Tiefenpsychologie) (психосоматика была включена в название несколько позднее) непосредственно до сегодняшнего дня оказывает значительное положительное влияние, например, на совместную защиту профессиональных интересов. Ежегодные конгрессы собирают аналитически ориентированных психотерапевтов. Однако одно дело — следовать общим интересам, основанным на соглашениях, касающихся основных принципов глубинной психологии, и совсем другое — последовательно применять метод исследования и лечения и развивать, проверять и перепроверять теорию.

Предисловие к немецкому изданию 11

Идея синопсиса обязана своим происхождением стремлению к единству, которое принимает разные формы. С научной точки зрения старания достичь синопсиса психотерапии и слияния школ были наивны и предполагали недооценку процессов групповой динамики (Grunert, 1984). Современные исследования общих и частных факторов психотерапии помогают определить как общие черты, так и отличия разнообразных подходов. Конечно, необходимо определить методы, которые используются, и базовые теории; и поэтому эклектический подход к практике налагает самые высокие требования к

---

¹ Немаловажно обрисовать контекст этой цитаты. Пророки говорят о новом соглашении между Господом и домами Израиля и Иудеи о том, что «не будут впредь говорить пословицу эту в Израиле» (Иезекиль, 18, 3). Новое соглашение делает каждого ответственным лишь за свои собственные грехи: «Но каждый будет умирать за свое собственное беззаконие; кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет» (Иеремия, 31, 30). Таким образом, отменяется закон Моисея, данный в Исходе (20, 5): «Ибо Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня» (см. Плач Иеремии, 5, 7: «Отцы наши грешили; их уже нет, а мы несем наказание за беззакония их»).

профессиональным знаниям и навыкам. Более того, несопоставимые элементы должны не только быть совместимыми, они также должны быть способны к интеграции, и прежде всего пациентом.

Разнообразные последствия долгих лет изоляции стали очевидны после войны. Сформировались группы К. Мюллер-Брауншвайга и Х. Шульц-Хенке, который даже уже до 1933 года шел своим собственным путем. Он полагал, что продолжал развивать психоанализ за годы изоляции. Как показал Томэ (Thomä, 1963), ограниченное понимание переноса, присущее этому неопсихоаналитическому подходу, долго оказывало влияние как раз в то время, когда во всем научном мире стали расширяться теория и практика переноса. С другой стороны, критика Шульц-Хенке теории либидо и метапсихологии на первом послевоенном конгрессе Международной психоаналитической ассоциации, проведенном в Цюрихе, сегодня не вызвала бы сенсации, ее бы поддержали многие аналитики. В то время, однако, концепция и теории воспринимались как особенности психоаналитической идентичности в большей степени, чем сегодня.

Эмигрировавшие еврейские психоаналитики и члены IPA доверились Мюллер-Брауншвайгу, который оставался верным учению Фрейда и не провозглашал, что развил его дальше. Личные разногласия и процессы групповой динамики привели к поляризации, и Шульц-Хенке оказался первым кандидатом на роль козла отпущения. В 1950 году Мюллер-Брауншвайг основал Немецкую психоаналитическую ассоциацию (die Deutsche Psychoanalytische Vereinigung — DPV), в которую первоначально входило девять членов, все из Берлина. А большинство из почти тридцати психоаналитиков Германии после войны оставались членами существовавшего Немецкого психоаналитического общества (die Deutsche Psychoanalytische Gesellschaft — DPG). Этот разрыв оказался фатальной поворотной точкой: лишь новая DPV была признана в качестве члена Международной психоаналитической ассоциации. Традиционное DPG, впервые основанное в 1910 году, больше не является обществом — членом IPA, но вместо этого стало филиалом Американской академии психоанализа.

Берлин не только оказался местом, где разделились две профессиональные группы. Разрушенный город был также центром восстановления психоанализа после 1945 года. Решающим фак-

12 Предисловие к немецкому изданию

тором в признании IPA Немецкой психоаналитической ассоциации было то, что Берлинский психоаналитический институт, членство в котором было идентичным членству в DPV, начал обучать аналитиков. Немецкие психоаналитики первого послевоенного поколения могли стать членами IPA только через этот институт. Вначале лишь один член IPA из Западной Германии был не из Берлина — Ф. Шоттлэндер из Штутгарта.

Последующее официальное признание психоанализа организациями, страхующими общественное здравоохранение, также началось в Берлине. Институт психогенных заболеваний (Institut für psychogene Erkrankungen der Versicherungsanstalt) был основан в Берлине в 1946 году под руководством В. Кемпера и Х. Шульц-Хенке. Это была первая психотерапевтическая амбулаторная клиника, которую субсидировала полугосударственная организация, впоследствии ставшая Всеобщим берлинским фондом страхования здравоохранения (die Allgemeine Ortskrankenkasse Berlin). Это легло первым камнем в фундамент будущей психоаналитической терапии, признанной всеми организациями страхования общественного здравоохранения. Психоаналитики-немедики всегда активно работали в этой клинике, и после введения профессионального стандарта для практикующих психологов в Немецком институте психологических исследований и психотерапии (Deutsches Institut für psychologische Forschung und Psychotherapie) у них появилась возможность без особых препятствий принимать участие в лечении пациентов.

Психоаналитики без медицинской квалификации получили право лечить пациентов в рамках системы страхования здравоохранения с 1967 года.

В Западной Германии психосоматическая клиника при университете в Гейдельберге была основана в 1950 году по инициативе В. фон Вайцзекера и при поддержке Фонда Рокфеллера. Во главе с ее директором А. Митчерлихом она выросла в учреждение, в котором осуществлялось психоаналитическое лечение. Обучение и исследования объединились под одной крышей. Таким образом, впервые в истории немецкого высшего образования психоанализ стал способным учредить себя именно так, как это представлял себе Фрейд (1919) в статье, которую он вначале опубликовал только по-венгерски, и она осталась сравнительно неизвестной (Thomä, 1983b). Последующее основание государственного Института Зигмунда Фрейда во Франкфурте обязано усилиям Митчерлиха, которого поддерживали Адорно и Хоркхаймер.

Многие из первого поколения психоаналитиков в Германии после войны начинали как практики-самоучки. Их собственный обучающий анализ был сравнительно коротким. Их объединяли интеллектуальная любознательность и энтузиазм (и даже любовь) по отношению к работам Фрейда, за признание которых они рьяно боролись. Такое вступление в психоанализ было характерно для пионерских времен его зарождения (А. Freud, 1983). На послевоенное поколение произвело глубокое впечатление то, что не-

Предисловие к немецкому изданию 13

мецкоязычные психоаналитики, живущие за границей, отбросили личные чувства и предложили свою помощь, несмотря на то что их силой заставили бежать от притеснений в нацистской Германии и даже несмотря на гибель членов их семей.

Эту помощь из-за границы и дома символизирует одно значительное событие: цикл лекций на тему «Фрейд в настоящее время» (Adorno, Dirks, 1957). Эти лекции были организованы в ознаменование сотой годовщины рождения Фрейда. Эриксон прочел первую лекцию 6 мая 1956 года в присутствии бывшего тогда президентом Федеративной Республики Германии Теодора Хойсса. Одиннадцать американских, английских и шведских психоаналитиков прочитали цикл лекций в университетах Франкфурта и Гейдельберга в течение летнего семестра 1956 года. Эти лекции явились результатом инициатив Адорно, Хоркхаймера и Митчерлиха и получили значительную поддержку от правительства земли Гессен.

На дальнейшее развитие психоанализа в Западной Германии положительно повлияло то, что стало возможным полноценное по времени обучение психоаналитиков в нескольких городах, как этого требовала для подготовки современных психоаналитиков А. Фрейд (1971). Немецкий фонд исследований (die Deutsche Forschungsgemeinschaft) начал поддерживать новое поколение аналитиков, обеспечивая финансовую поддержку обучению и супервизии случаев. В результате его доклад получил название «Размышления о состоянии врачебной психотерапии и психосоматической медицины» («Denkschrift zur Lage der ärztlichen Psychotherapie und Psychosomatischen Medizin») (Görres et al, 1964). Интенсивная супервизия, обсуждение случаев со многими европейскими и американскими психоаналитиками, представляющими почти все школы психоанализа, а также периоды работы за границей позволили немецким психоаналитикам послевоенного поколения преодолеть пробелы в знаниях, образовавшиеся во время нацистского периода, и к середине 1960-х годов достичь международных стандартов работы (Thomä, 1964). Многочисленные идентификации, образующиеся при передаче знаний, судя по всему, лишь тогда вредны, когда эти идентификации несоотносимы друг с другом и не интегрируются научно с работами Фрейда посредством критического обсуждения.

О быстром развитии психоанализа в Западной Германии можно судить по тому факту, что две психоаналитические организации, НПА (DPV) и НПО (DPG), сейчас в целом насчитывают около 650 членов. Значительный интерес к психоанализу также проявляется

смежными дисциплинами, хотя в целом междисциплинарное сотрудничество ограничено лишь несколькими областями. Количество врачей и психологов, которые стремятся к психоаналитическому обучению, очень велико по сравнению с другими странами. Психоаналитики возглавляют факультеты психотерапии и психосоматики во многих немецких университетах. Если можно постоянно укреплять и расширять парадигму

14 Предисловие к немецкому изданию

Фрейда в университетах, то есть большая вероятность того, что произойдет крайне необходимая интенсификация психоаналитических исследований. Значение медицинского применения психоанализа заходит гораздо дальше его специфической техники лечения, и связанные с этим идеи Балинта приняты врачами в Германии шире, чем где-либо еще. В Германии больше балинтовских групп, чем в других странах. Их участники изучают свою терапевтическую деятельность с точки зрения взаимодействия, чтобы добиться таких отношений врач — пациент, которые благоприятно влияли бы на течение болезни.

Несмотря на общепризнанное восстановление психоанализа в Германии с 1945 года, у гораздо большего числа немецких психоаналитиков есть проблемы со своей профессиональной идентичностью, чем у их коллег в других странах. Большинство из них не уверены в себе и демонстрируют правоверное и смиренное отношение к представителям IPA, независимо от индивидуального мнения последних (положительного или отрицательного) по поводу стандартов немецкой психоаналитической подготовки (Richter, 1985; Rosenkötter, 1983). Однако если посмотреть на это с исторической точки зрения, то вряд ли кого удивит необычайная уязвимость немецких психоаналитиков в отношении бессознательных процессов, которые интерпретировал Клаубер. Многие не знают меры в идеализации работ Фрейда, другие стремятся утвердить свою собственную идентичность, в то время как третьи снова и снова ставят ее под вопрос (несомненно, профилактически, поскольку они опасаются, что их будут критиковать за самонадеянную независимость). Все это симптоматично для той формы онтогенетического кризиса идентичности, которую Эриксон охарактеризовал как «автономию *против* стыда и сомнений» (Erikson, 1959). Они не могут спокойно обозначить свою собственную профессиональную идентичность на основе теоретической критики Фрейда (отца-основателя), потому что это ощущается как символическая идентификация с теми, кто отвергал его с политической и расовой позиции и преследовал его самого и его народ; отсюда происходит амбивалентность между покорной ортодоксией и «невротическим» реактивным образованием, ей противоречащим. И снова, несмотря на то, что могут существовать обоснованные научные доводы в пользу разработки согласованной «синоптической» теории глубинной психологии (которая могла бы быть подкреплена различными практическими школами и тем избежала бы необоснованных идиосинкразий), немецкие аналитики не могут симпатизировать этому проекту, не ощущая при этом, что «продаются» нацистской и злоумышленной «арийской психотерапии».

Но эти опасения лишь накрепко связывают созидательный и критический потенциал с прошлым и затрудняют решение современных проблем психоанализа. Однако сомнения, как движущая сила изменений и прогресса, не должны быть ограниче-

Предисловие к немецкому изданию 15

ны прошлым и вопросами истории, в связи с которыми некоторые части учения Фрейда приносились в жертву в ходе приспособления к политическим обстоятельствам либо по другим ненаучным причинам. Обвинения в преступлениях отцов и дедов, реальных или духовных, и выявление их личных и политических просчетов можно использовать и вне психоаналитической терапии как форму сопротивления тому, чтобы решать задачи настоящего момента. Многообещающей основой для плодотворного нового начала может

оказаться сравнение проблем прошлого и настоящего. Размышляя о преходящем характере красоты, искусства и духовных достижений, Фрейд приходит к оптимистическому выводу. Он утверждает, что печаль в какой-то момент истощается, а потеря принимается и тогда молодые люди «замещают потерянные объекты новыми, столь же или даже еще более ценными» (Freud, 1916a, p. 307).

Замысел этой книги и работа над ней очень тесно связаны с отделением психотерапии Ульмского университета, основанным в 1967 году, на базе которого сформировался Ульмский психоаналитический институт. Старший из авторов, являясь главой факультета, мог многое почерпнуть из собственного опыта долгой профессиональной карьеры, начавшейся в Штутгарте. Годы работы в психосоматической клинике Гейдельбергского университета положили клиническое основание психоаналитической мысли. Это учреждение, руководимое А. Митчерлихом, было духовной родиной, которая постоянно привлекала меня и всегда звала вернуться из-за границы. Год, проведенный мною в качестве фулбрайтского стипендиата в Йельском психиатрическом институте (1955—1956), оказал направляющее влияние, а еще год исследований и дальнейшего обучения, на этот раз в Лондоне в 1962 году при поддержке Американского благотворительного фонда исследований в психиатрии, оказался решающим.

Стержень нашей книги — исследование психоаналитического процесса и его результатов. Мы благодарны Немецкому фонду исследований за его продолжительную поддержку с 1970 года, которая сделала возможным для младшего автора с самого начала совмещать клиническую подготовку и исследования в Ульме. Нельзя недооценить прямое и косвенное влияние профессиональной критики — изнутри и извне — на наше клиническое мышление и деятельность. Этой книги не существовало бы в ее настоящем виде, если бы исследования не открыли нам глаза на многие проблемы.

Сеть контактов, из которых развилась эта книга, настолько обширна, что мы вряд ли сможем выразить свою признательность всем тем, кто на протяжении лет нас поддерживал эмоционально и интеллектуально. Мы хотели бы выразить нашу благодарность всем, кто внес прямой вклад, и особенно хотели бы подчеркнуть, что книга не выглядела бы так, как она выглядит сейчас, если бы наши коллеги из Ульма часто не направляли бы

16 Предисловие к немецкому изданию

нас, не вносили бы вклад в наброски некоторых разделов книги и не предлагали бы поправок.

Мы особенно благодарны нашим коллегам-психоаналитикам и коллегам из других областей, которые лично прочитали определенные разделы и главы на некоторых этапах работы. Их конструктивные комментарии дали нам очень большой стимул в подготовке отдельных частей книги. Обмен идеями нередко заставлял нас формулировать нашу собственную позицию более точно или пересматривать ее. Конечно, ответственность за окончательный текст несем мы одни, но нашей благодарности за критические комментарии по поводу набросков различных разделов заслуживают следующие коллеги;

Марта Айке-Шпенглер, Фридрих Вильгельм Айкофф, Кристофер Т. Бевер, Герман Беланд, Клаус Бишоф, Вернер Болебер, Клеменс де Боор, Клаус Граве, Йоханнес Грунерт, Урсула Грунерт, Сибилле Дрюс, Альмут Зельшопп, Раймер Карстенс, Джон С. Кафка, Отто Ф. Кернберг, Гизела Кланн-Делиус, Райнер Краузе, Йоханнес Кремериус, Марта Кукку-Леманн, Мартин Лев-Беер, Ульрике Май, Адольф Эрнст Майер, Эмма Мерш, Фридрих Найнхаус, Петер Новак, Михаэль Ротманн, Маргрет Теннесманн, Гертруда Тихо, Эрнст Тихо, Франц Рудольф Фабер, Рудольф Хаарстрик, Ингеборг Циммерманн, Эрнст Конрад Шпехт, Ульрих Эбальд, Вольфрам Элерс и Эрхард Эффер.

Гораздо больше, чем мы могли на это претендовать, нас поддерживали, несмотря на все взлеты и падения, в процессе работы над книгой Розмари Берти, Ингрид Фрайшлад, Доррис Гайсмайер, Аннемари Зильбербергер и Бригитте Гебхардт. Возможности, которые сейчас

открываются благодаря компьютерной обработке, упрощают работу по изменению и улучшению многочисленных черновиков, но эта технология налагает возрастающие требования к образованности и организованности секретариата. То, что неизбежные трения всегда заканчивались успешным сотрудничеством, эффективность которого все возрастала, — следствие преданности наших помощников делу. Хармут Шренк координировал работу между сотрудниками нашего отделения издательства «Шпрингер» и авторами. Мы также благодарны ему и Клаудии Симонс за тщательную подготовку ссылок. Авторский и тематический индекс готовил Михаэль Хольцер.

С самого начала в отношениях между авторами и Тони Граф-Бауманом, редактором, ответственным за психоанализ в издательстве «Шпрингер», создалась благоприятная и коллегиальная атмосфера.

Теперь мы передаем этот текст о практике психоанализа читателю в надежде, что он будет полезен тем, для кого он, в конечном счете, и написан — для пациентов.

Ульм, июль 1985

Хельмут Томэ, Хорст Кэхеле

От издателей

Нам доставляет большое удовольствие представить вниманию отечественного читателя объемный труд профессоров Ульмского университета Хельмута Томэ и Хорста Кэхеле «Современный психоанализ» (том 1 — «Теория», том 2 — «Практика»). Написав эту фразу, мы вполне отдаем себе отчет в том, что читатель может счесть ее дежурным комплиментом книге, которую он держит в руках, однако удовольствие наше действительно велико — хотя бы уже потому, что, несмотря на бесчисленные препятствия, которые можно легко себе представить, эта книга все-таки вышла и сейчас доступна всем тем, кто в ней нуждается и кого она может заинтересовать.

В чем же значение появления на русском языке этого всеохватывающего труда? Прежде всего, несомненно, в том, что это первый за последние шестьдесят лет случай, когда у нас переводится фундаментальная работа, отражающая современное состояние психоаналитической теории и практики. Последними примерами тому были книги Фрейда, вышедшие до и в первое десятилетие после революции, через несколько лет после появления оригиналов. Вышедший у нас недавно учебник Р. Гринсона «Техника и практика психоанализа», который сыграл огромную роль в профессиональном становлении отечественных психотерапевтов задолго до того, как был официально напечатан и появился на прилавках магазинов, стал доступен русскому читателю чуть ли не через тридцать лет после того, как был прочитан в Америке и Европе.

Далее, колоссальное достоинство этого труда в том, что он в первую очередь предназначен для специалистов (а их, кстати сказать, не так уж мало), которые относятся к психоанализу не только как к философскому учению, занимательной психологической теории или технологии собственного личностного роста, но и как к профессии, связанной с большой ответственностью и требующей всесторонней подготовки. При этом — и это тоже очень важно — книга Томэ и Кэхеле сильно отличается от учебника в традиционном «школьном» понимании, к которому мы привыкли. Она представляет свой предмет не как застывшую глыбу завершенного знания с набором готовых рецептов и од-

18 От издателей

нозначных толкований, а как открытую, развивающуюся, динамичную систему, в которой есть противоречия, разные мнения и нерешенные вопросы. И большой заслугой авторов, на наш взгляд, является то, что, разбирая даже такие классические понятия, как «перенос», «контрперенос» или «сопротивление», они дают читателю возможность почувствовать полифонию современной психоаналитической мысли, окунуться в атмосферу полемики между различными течениями и школами, не скрывая при этом собственного мнения и в полной мере давая высказаться своим оппонентам.

Наконец, хочется отметить, что позиция авторов базируется на доскональном знании классической и современной психоаналитической литературы, богатейшем опыте собственной клинической практики и многолетней исследовательской работе (последнее не часто встречается среди психоаналитиков).

А теперь коротко скажем о структуре и содержании книги. В первом томе авторы детально разбирают ключевые принципы и понятия психоаналитического метода — перенос, аналитические отношения, контрперенос, сопротивление, толкование сновидений. Обсуждаются цели, задачи и техника проведения начального интервью, проблемы, связанные с постановкой диагноза, принадлежностью пациентов к тем или другим возрастным и социальным группам. Особое внимание уделено влиянию на организацию и ход терапии третьих лиц (членов семей пациентов, страховых компаний и т.д.). Дается

подробная характеристика правил, к которым прибегает психоаналитик, многообразие средств, путей и целей, определяющих психоаналитический процесс. При этом авторы гибко меняют перспективу и масштаб рассмотрения психоаналитического процесса, то концентрируясь на частных его аспектах — например, на том, как аналитик должен реагировать на вопросы пациента, — то исследуя общие стратегические проблемы терапии.

Читая страницы, посвященные истории психоанализа в Германии, российский читатель может обнаружить параллели с развитием психоанализа у нас в стране: и в Германии, и в Советском Союзе бурно развивавшаяся психоаналитическая традиция была прервана тоталитарным режимом. Книги Фрейда и его учеников стали недоступны, а многие психоаналитики были вынуждены эмигрировать. Однако в послевоенное время немецким аналитикам благодаря собственному энтузиазму и помощи из-за рубежа удалось восстановить психоаналитическую традицию. А теперь Томэ и Кэхеле своей книгой, переведенной на русский язык, передают эту эстафету помощи нам.

Второй том в основном посвящен клиническим иллюстрациям теоретических положений первого тома. Авторы как бы приоткрывают перед нами двери психоаналитического кабинета, по-

От издателей 19

зволяя стать свидетелями реальных диалогов с пациентами, записанных на магнитофон.

Эта книга может быть прочитана разными способами, подобно «Игре в классики» Кортасара, в зависимости от конкретных интересов и уровня подготовки читателя. Кому-то может показаться естественным начать с раздела, посвященного начальному интервью, другим — с раздела о правилах, а некоторые сразу обратятся ко второму тому, где речь идет о практике. Но на самом деле эти пути не исключают друг друга: труд Томэ и Кэхеле заслуживает неоднократного прочтения. Мы уверены, что эта книга станет настольной для всех профессионалов, интересующихся теорией и практикой психоанализа.

*С.Г. Аграчев
ИМ. Кадыров*

От редактора русского перевода

Переводить можно правильно или неправильно, но считать перевод единственно правильным можно лишь в том случае, если за ним стоит прочная традиция, нарушение которой вызвало бы лишь недоразумения. Если же речь идет о чем-то новом, терминологически еще не устоявшемся, то переводящий оказывается перед выбором: искать уже существующие в родном языке приблизительные эквиваленты новым понятиям в надежде, что они постепенно обретут еще одно значение, либо оставить их в почти неизменном виде, с расчетом, что неуклюжесть и чуждость звучания сотрутся временем и частотой употребления. Другие варианты, как, например, изобретение неологизмов и калькирование иностранных слов, являются, по существу, лишь промежуточными. Бдительно и настороженно пере-перевести или благодушно и некритично недо-перевести — вот две крайности, между которыми лавирует переводчик. Славянофил и западник — или в советском переводе патриот и космополит — строго взирают на него с обеих сторон, и ему начинает казаться, что как раз на равнодействующей их взглядов и лежит единственно верное решение.

Если же дело касается современной психоаналитической литературы, то здесь переводчик попадает даже не в одномерный пролив между Сциллой и Харибдой, а в многомерный лабиринт. Казалось бы, следует попытаться восстановить оборванную традицию и как можно точнее придерживаться терминологии первых переводов Фрейда. Но этот путь заводит в тупик не только потому, что современное устное профессиональное словоупотребление естественным образом отошло от стиля 1910 — 1920-х годов, но и в связи с тем, что немецкоязычная традиция психоанализа тоже была прервана, многие его видные представители почти одновременно с исчезновением психоанализа в СССР вынуждены были эмигрировать в англоязычные главным образом страны и в течение многих лет важные для его развития работы писались по-английски. Обойти этот факт вниманием нельзя никак, так как при переложении на англоязычную почву язык психоанализа претерпел принципиальные изменения, а, кроме того, подавляющее большинство отечественных профес-

От редактора русского перевода 21

сионалов сейчас читает зарубежную литературу именно по-английски и некоторые английские термины уже вошли в обиход.

Мы не видим веских оснований закрывать глаза на уже сложившуюся устную традицию и употребляем *Ид*, *Эго* и *Супер-Эго* наряду с *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*, если речь идет о текстах, написанных на английском языке. Изобретенные Джеймсом Стрэчи термины кажутся нам даже удобными в определенных случаях и для русского профессионального языка. Оставляя в своем распоряжении *Эго* как отдельное слово и как часть составных слов типа *эгопсихология*, мы освобождаем *Я* для обозначения труднопереводимого слова *self* (self-psychology, self-object).

Построение, скажем, термина *само-объект* по примеру таких составных слов, как *самообман*, *саморазрушение*, *самолюбие*, *самооценка*, представляется удачным лишь на первый взгляд. В русском языке часть слова *само-* употребляется в двух значениях: обращенности действия на себя (сам себе) и автономности, самостоятельности (сам по себе) — ср. самоуправление — самоуправство. По своему смыслу слово *self-object* должно принадлежать семантическому полю «направленности на себя»: *самолюбие* — *самолюбование* — *нарциссизм*, тогда как *самообъект* больше ассоциируется со словами, выражающими автономию, — *самоцвет*, *самовар*, *самолет*.

Это ощущение возникает, скорее всего, потому, что значение обращенности действия на

себя подразумевает корень слова, напрямую ассоциирующийся с соответствующим глаголом, требует обязательного подчеркивания существительным процесса; значение же автономности допускает корень, связь которого с глаголом не сразу очевидна, как в словах *самоцвет*, *самодур*, *самоцель*. *Объект* — корень вообще не глагольный и для образования аналогичного слова не подходит, но с внешней точки зрения он больше похож на слова, в которых глагольное значение стерто. Так, слово *самообъективация* (что бы оно ни означало) по самой своей форме может быть прочитано и в смысле обращенности на себя, а слово *самообъект* — нет. По своей форме оно воспринимается, скорее, как аналогия слова *самоцель*.

Поэтому мы остановили свой выбор на вариантах *Я-психология* и *Я-объект*. Войдут ли они органично в профессиональную речь или часто звучащее английское *self* переключается на бумагу в латинской транскрипции либо в транслитерации, покажет только будущее.

Вообще говоря, баланс между прямым заимствованием и переводом определяет сама жизнь, и тому есть много исторических примеров. Такой баланс обычно допускает иногда равноправное, иногда с перевесом в одну сторону сосуществование двух вариантов. *Аэроплан*, *геликоптер*, *трансмиссия* или *само-*

22 От редактора русского перевода

лет, *вертолет*, *передача*. Предоставим читателю самому датировать возникновение разных вариантов и размышлять о факторах, определяющих их популярность. Считается, например, что *межличностный* звучит по-русски красивее, чем *интерперсональный*, но подобрать удачный отечественный вариант слова *биперсональный* невозможно.

Многозначное слово *вытеснение* прочно утвердилось как психоаналитический термин (*repression*, *Verdrängung*). Оно вытеснило такие встречавшиеся ранее варианты, как *репрессия* и *подавление*, несмотря на то, что последние лучше передают «военную» метафорику Фрейда.

Термин *перенос* заменил *перенесение*, употреблявшееся в старых переводах Фрейда, и сильно потеснил *трансфер*, однако выражение *переносный смысл* несет слишком большую нагрузку в обыденной речи, чтобы можно было отказаться от прилагательного *трансферентный*. В английском языке, например, в значении «переносный» используются прилагательные, близкие к русским «фигуральный», «метафорический», поэтому слово *трансферентный* остается свободным для использования в качестве психоаналитического термина. Именно благодаря недвусмысленности, ясной отсылке к психоанализу, к медицине с ее латинской терминологией использование таких выражений, как *трансферентные отношения*, *трансферентная любовь* и т.п., кажется нам более строгим и элегантным, а тем самым более приемлемым этически и эстетически, чем прилагательного с русским корнем.

Мы отдаем себе отчет, что оставляем в достаточно разбалансированном состоянии перевод группы терминов, связанных с *контейнированием* — *вмещением*. Не в силах подавить желание найти более подходящий к описанию чувств эквивалент этому слишком техническому для русского языка термину, мы все же не можем объявить его совсем «непечатным». Если читатель не будет знать, какое слово мы перевели как *вмещение*, то могут возникнуть серьезные недоразумения, так как это слово, к сожалению, иногда ошибочно переводится как *удерживание* или даже *сдерживание*, что искажает его смысл.

В принципе против применения технических терминов в психоанализе трудно возражать. Техника — это та область, где нужно быстрое взаимопонимание, где чтение литературы на языке оригинала опережает ее перевод. Облегчая такое чтение, заимствования сами по себе имеют большой технический смысл. Мы оставляем и само слово *техника*, не заменяя его более традиционной в психологии и педагогике *методикой*.

Вновь создаваемые технические термины обычно на языке оригинала являются всякому понятными метафорами (самый близкий сегодня пример — компьютерный язык), а на иностран-

ном языке часто выглядят неуклюже, «не по-человечески». В принципе засорение языка при техническом прогрессе неизбежно, как засорение природы, но это может быть бессмысленное загрязнение и обеднение, а может быть обогащение одного языка другим, а в конечном счете и взаимное обогащение языков, как это иногда происходит в психоанализе: немецкий, английский и другие языки — и вновь немецкий. Яркий пример этому — книга, которую вы держите в руках.

Техника быстро становится интернациональной или, если хотите, международной. Вообще говоря, использование параллельных — пусть даже и не полностью синонимичных — терминов для одного и того же психоаналитического понятия не кажется нам чем-то неприемлемым. Например, интерпретация и толкование многие годы уживаются без всяких недоразумений даже не как близнецы, а как костюмы (соответственно, расхожий и специально подобранный), надеваемые в зависимости от ситуации. Так же мы не можем отдать предпочтение одному из одинаковых по смыслу вариантов: *конкордантный* — *комплементарный* или *соответствующий* — *дополнительный*.

В русском языке существуют слова *объект* и *предмет*, близкие, но не равнозначные. В прошлом слово *предмет* гораздо чаще применялось по отношению к людям (предмет моей страсти, мой предмет). Сейчас это употребление кажется архаичным. *Объект* в большей степени звучит как специальный термин, однако после пояснения становится совершенно понятен и как обозначающий людей и представления о них, а кроме того, является общим для европейских языков, поэтому мы оставили его в неизменном виде.

От некоторых бытующих в обыденной речи терминов, по нашему мнению, в профессиональной сфере следует отказаться. *Подсознание* является неточным переводом — на других языках есть *сознание* и *бессознательное* — и провоцирует игру слов: *подсознание*, *надсознание*, — отсылающую нас к временам критики фрейдизма, когда мир был расщеплен на темное биологическое «под» и светлое социальное «над».

Нам представляется нецелесообразным и употребление на русском языке словосочетания *пограничное состояние* в контексте психоанализа. В советской психиатрии к пограничным состояниям или расстройствам относились неврозы и психопатии. В психоанализе используется понятие *пограничный синдром* (borderline syndrome или condition, Grenzfall), которое имеет другой фактический и концептуальный смысл.

К терминам, переводившимся без колебаний, можно отнести расщепление (split, Spaltung), *проработку* (working through, Durcharbeiten), *отреагирование* (abreaction, Abreaktion), *отыгрывание вовне — внутрь* (acting out — in, Agieren), всемогущество

24 От редактора русского перевода

(omnipotency, Allmacht — Omnipotenz) и многие другие, уже утвердившиеся в профессиональном языке.

В двойном варианте мы оставили *инсайт* — *озарение* (insight, Einsicht) и *катексис* — *наполнение* (cathexis, Besetzung), полагая, что заимствованные слова настолько широко употребимы, что переводить их уже просто поздно.

Мы остановились на слове *супервизия* как на более прозаичном, чем другой возможный вариант — *супервидение*, — вызывающий слишком много ассоциаций с предвидением, ясновидением, с всемогуществом супервизора. Слово *супервизорство* не передает нужного смысла, так как предполагает лишь институт или традицию, но не процесс.

Из всех возможных значений слова *to resolve* (растворяться, распадаться и т.д.) мы остановились на самом широко употребляемом среди профессионалов, хотя и не укладывающемся в обыденный язык выражении *разрешить перенос*, сочтя, что оно вызывает подходящие в данном случае образы: «разрешить сомнения», «разрешиться от бремени», «разрешение мелодии в консонанс».

И в заключение о транслитерации имен собственных. В этом вопросе мы руководствовались традициями — устными и письменными. Так, например, Мелани Кляйн у нас звучит по-немецки, а Джордж Клейн по-английски, Шандор Ференци — по-венгерски и т.д. Мы знаем, что в странах латинского алфавита все имена пишутся единообразно, однако их произношение сильно зависит от родного языка говорящего. Может быть, есть что-то символичное в том, что у нас имя Зигмунда Фрейда и пишется, и произносится на русский лад.

Понимая, что перевод никогда не может быть, как уже было сказано, единственно правильным и свободным от недостатков, переводчики и редактор будут благодарны читателям за отзывы и критические замечания.

Анна Казанская
Москва, январь 1996